

ПОЭМА «НАРСПИ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОФОРМЛЕНИИ Э. М. ЮРЬЕВА

Поэма К. В. Иванова «Нарспи» в оформлении Элли Михайловича Юрьева² была издана в 1985 году и в том же году признана книгой № 1 из 354 изданий, поступивших на госинспекцию по качеству при Госкомиздате СССР).

Критический обзор данному изданию дали сразу два искусствоведа республики А. А. Трофимов [2, 160] и Ю. В. Викторов [1, 93]. Последний пишет: «Приступая к оформлению «Нарспи», Элли Михайлович не только «вышел на творческое соревнование» с мастерами, до него создававшими свои варианты графической интерпретации поэмы, но и как художник книги хотел превзойти самого себя. Надо признать – это ему удалось» [1, 96]. Помимо анализа его творчества в целом, в книге имеется множество дневниковых записей и воспоминаний, зафиксированных при личной беседе исследователя и художника. «Я неоднократно задумывался над вопросом, почему Сизов так долго работает над «Нарспи», почему всю жизнь? Теперь я понимаю его и ловлю себя на мысли, что я весь остаток жизни «обречен» работать над «Нарспи». Потому что в разовом оформлении ее невозможно исчерпать», – говорил Э. М. Юрьев [1, 97]. А. А. Трофимов высказывает следующую мысль: «Откровенно говоря, неправильно называть эти работы иллюстрациями. Каждая своим высоким мастерством стоит на одном уровне с картиной» [2, 161]. Говоря это, профессор акцентирует внимание на самодостаточности художественных работ. Действительно, глядя на них, возникает ощущение «картинности» и монументальности как самой поэмы, так и ее персонажей.

Книга получилась уникальной и неповторимой – именно такую задачу для себя поставил художник. Новаторский подход проявился во всех ее составляющих: от формата издания до фактуры бумаги, от разворотных иллюстраций до разнообразных декоративных элементов.

Уже на обложке мы видим отражение творческих принципов Э. М. Юрьева (ил. 1). Поверх нежного розово-бежевого фона позолоченной решеткой наложен орнамент, образующий локальное и в то же время ажурное пятно. На нем помещен милостивый благородный образ Нарспи, исполненный пурпурным цветом. Золотая рамочка, собирающая все части обложки воедино, внизу переходит в название, оформленное стилизованным декоративным орнаментом. К слову сказать, узорчатый фон – один из любимых художественных приемов графика. Каждый лист внутри книги украшается таким способом. Это придает бумаге холодный оливковый оттенок, который не спорит ни с текстом, ни с маленькими заставками, ни с другими элементами оформления.

² Элли Михайлович Юрьев – график, живописец, дизайнер. Родился 25 марта 1936 года в с. Исаково Красноармейского района Чувашской Республики. Окончил Тбилисскую государственную академию художеств (1958–1964). Работал художественным редактором Чувашского книжного издательства (1964–1969), преподавателем Чебоксарского художественного училища (1965–1967), преподавателем художественно-графического факультета ЧГУ им. И. Я. Яковлева (1973–1977), главным художником г. Чебоксары (1969–1976), старшим художественным редактором Чувашского книжного издательства (1982–1986). Член Союза художников СССР (1967), заслуженный художник ЧАССР (1976). Помимо этого являлся спортсменом, младшим сержантом Советской Армии (1952–1955), художником-постановщиком Чебоксарской студии телевидения (1980–1982).

Иллюстрация 1

Иллюстрация 2

Каждый разворот в книге украшен вьющимися растительными мотивами (плющ, ива, хмель), которые заполняют почти половину страницы с текстом. Сама полоса набора расположена не по центру, а сдвинута ко внутреннему краю листа. Строки часто разбиваются небольшими заставками со сценками из деревенской жизни, либо изображением предметов быта, что обогащает информационное содержание иллюстративного материала. Художник избегает загруженности разворота, благодаря чему в книге много воздуха и пространства. Это уравнивает некоторую тяжесть и графичность рисунков.

Особо стоит отметить тщательно продуманную архитектонику издания, которая выражается в сбалансированности всех декоративных элементов и иллюстраций, в их подчиненности как большой композиции, так и идейному замыслу. В отличие от П. В. Сизова, который уделял больше внимания непосредственно иллюстрациям, Э. М. Юрьев рассматривал книгу как ансамбль, в котором стилевое единство проникает не только в рисунки, но и во все остальные художественные элементы, включая полосы набора.

Уже на форзаце читателя встречает цветущий на солнце хмель. Как известно, пиво – чувашский национальный напиток, символ гостеприимства. Поместив этот рисунок на форзац, художник словно приглашает читателей внутрь книги. Такое решение является удачной находкой графика.

Э. М. Юрьев любил изображать растительность и делал это образно и виртуозно. Как было отмечено выше, изображения хмеля, плюща и ивы часто встречаются на страницах этого издания. Мотивы фауны значительно обогащают разворотные иллюстрации, способствуя раскрытию мыслей, эмоций и настроения персонажей.

Еще один прием, часто используемый художником, – это связь извилистых линий (как правило, это растительные элементы, дым и т. п.) с простыми геометрическими фигурами или прямыми линиями. На форзаце белый круг, символизирующий солнце, пересекает изящный хмель, что привносит в композицию рисунка особую красоту.

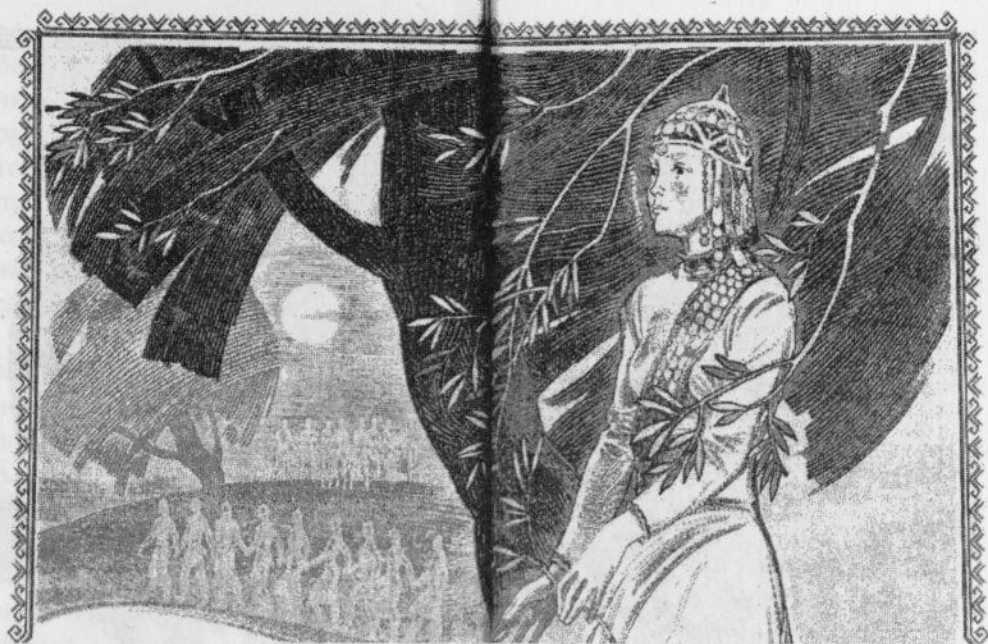
В самом начале книги художник поместил портрет К. В. Иванова в профиль в круглой нарядной рамочке (ил. 2). В молодом сосредоточенном лице сквозит интеллигентность и благородство. Лаконичность изображения и подчеркнутая скульптурность – завершающие штрихи к этому образу. Портрет напоминает барельефную лепнину на медалях. Известно, что Э. М. Юрьев занимался медальерным искусством. Он является автором наиболее известных в республике памятных монет, посвященных столетию со дня рождения К. В. Иванова (1991) и столятию И. Я. Яковлева (1998). Большинство людей знает этих выдающихся личностей по профильным портретам мастера.

Помимо медальерного искусства график много внимания уделял шрифтам. Он первым из чувашских художников начал разрабатывать собственные шрифты и популяризировал этот вид искусства в республике. В рассматриваемой книге мы встречаемся с юрьевским шрифтом прежде всего на титульном листе. Художник для названия поэмы подобрал несложный вариант с жирными штрихами и засечками на концах, заключил надпись в сложную продольную фигуру бордового цвета, своей формой напоминающую орнамент чувашской народной вышивки. Под названием расположена аналогичная фигурка меньшего формата, более яркая с надписью «поэма». Помимо имен переводчика и редактора, художник на титульном листе поместил свои инициалы.

Первая разворотная иллюстрация знакомит нас с Нарспи (ил. 3). Ее фигуру художник изобразил пурпурным цветом на серебристом фоне ивы. График решает листву локальными пятнами, выделяя тоненькие веточки белым цветом. Штрих помогает иллюстратору показать направление ветра – он дует в ту сторону, в которую направлен взгляд девушки. Создается впечатление, что это ветер грядущих перемен. Образ Нарспи получился лиричным и прекрасным – она еще не знает, что приготовила для нее судьба. Героиня полна светлых предчувствий и радостных ожиданий. На дальнем плане в вечерних сумерках, словно окутанные легким туманом, ведут хоро- вод сельские девушки и юноши.

Следующая иллюстрация показывает встречу Нарспи и Сетнера у родника. Художник снова выделяет фигуру главной героини пурпуром – так он делает во всех иллюстрациях. Сетнер же, как правило, изображается серым или белым. Так автор поступил и в данном рисунке. Его фигура расположена на правой половине разворота, уравновешивая композиционную нагрузку левой части, где находится Нарспи. Ее образ существенно изменился по сравнению с тем, какой она была на первой иллюстрации. Плохая новость придала ей какую-то неведомую силу, которая проявляется и в выражении лица, и в позе. Сетнер, напротив, кажется застигнутым врасплох, о чем свидетельствуют разведенные в стороны руки. Более детально, чем в предыдущей работе, решается пейзаж. В первом варианте дерево изображалось силуэтно, его листва выполнялась обобщенно большими массами. В данной работе художник больше внимания уделяет деталям, прорисовывая каждую веточку на ветле, каждую травиночку. Однако ему удается избежать дробности благодаря высочайшему уровню профессионализма и чувству меры. Пейзаж, прорисованный с особой филигранностью, очень приятно и интересно рассматривать.

Иллюстрация 3

Наиболее театрализованную иллюстрацию Э. М. Юрьев выполнил к главе «Свадьба». На ней изображена сцена, в которой подружки готовят невесту. Ключевым моментом здесь являются не люди, а занавес – именно он придает работе отмеченную выше театральность. Бордово-серые драпировки разделяют «сцену» на две половины, на одной из которых представлена главная героиня в окружении молодых девушек, а на другой – зрелые женщины за приготовлением угощения. Противопоставление «нового» и «старого» в творчестве Э. М. Юрьева нашло своеобразное художественное отображение.

В сцене поимки беглецов в лесу художнику особо удались типажы преследователей – выразительные позы, свирепые лица усиливают образность и фактурность деревенских мужиков. Влюбленная пара выделяется на их фоне своей белизной, которую можно истолковать как чистоту помыслов. Помимо символической трактовки, белый цвет выполняет важную композиционную функцию – перемещает смысловую нагрузку на край листа. Это создает ощущение загнанности главных персонажей в тупик, что соответствует эмоциональному накалу произведения.

Следующая иллюстрация, где изображена свадебная церемония, за которой наблюдают Сетнер с матерью, выполнена в угрюмых, темных, «траурных» тонах. Рисунок имеет два плана: на дальнем собралась многолюдная толпа – свадебный поезд, удаляющийся к кладбищу, а впереди представлены Сетнер и его мать у калитки, выполняющей роль условной преграды не только между влюбленными, но и классовыми сословиями. Напряженная поза юноши и зажатый кулак выдают его внутренние переживания. Старушка пытается утешить сына, она волнуется за него. Невозможно полнее раскрыть эмоции и настроение этих несчастных, чем это сделал Э. М. Юрьев.

Иллюстрация 4

Один из ключевых эпизодов – свадьба в Хужалге. Художник снова разделяет изображение на две половины – стороны невесты и жениха. Встречающая сторона выполнена в темном колорите. Взрослые женщины с хлебом-солью и пивом склонились в неестественно приветливом поклоне, рядом стоит Тохтаман в богато вышитом шупаре³. Его сытое, но суровое лицо, полный живот выдают в нем богатого тирана. Сторона невесты выполнена в светлой серой гамме, на фоне зрелых женщин белеет стройный стан Нарспи. Ее упрямая осанка, легкий поворот головы и отведенный в сторону взгляд свидетельствуют о ее неприязни к будущему супругу.

График утрирует, преувеличивает, изображая все женские персонажи, кроме Нарспи. Он умышленно усиливает их грубые черты и безобразность, тем самым подчеркивая красоту и юность главной героини. Много внимания уделяет иллюстратор народному костюму, с особенной тщательностью прорисовывая *суха*⁴, *шүлкеме*⁵, *хушпу*⁶, *яркач*⁷ и *сурпаны*⁸. Однако, несмотря на широкие познания в народной одежде, крепкую композицию, выразительные образы действующих лиц, в работе чувствуется преобладание мелких деталей, что ухудшает цельность восприятия. Художнику, пожалуй, стоило бы отказаться от обилия незначительных элементов в пользу обобщения.

Рисунок к главе «После Симека» показывает жестокость Тохтамана, избивающего молодую жену. В одной руке висит плоть, другой он засучивает рукав рубашки, давая понять, что не намерен останавливаться. Его лицо пре-

³ Шупар – одежда, подобная халату

⁴ Суха – женское нагрудное украшение из серебряных монет

⁵ Шүлкеме – женское нагрудное украшение из серебряных монет

⁶ Хушпу – женский головной убор

⁷ Яркач – женское набедренное украшение

⁸ Сурпан – женская головная повязка

вратилось в ужасную гримасу, с губ слетает брань. В нижней части работы бордовым цветом изображена Нарспи, поваленная на пол. Она покорно подчиняется порке, но не судьбе. Вся сцена происходит в темной избе, где воцарился беспорядок. Есть здесь еще одна необычная деталь – икона Божьей матери в углу. В Нарспиане впервые появляется элемент христианства, хотя в произведении об этом не говорится. Это индивидуальная трактовка художника, которая привносит в иллюстрацию абсолютно новый смысл. Расположенная над головой Нарспи, Богоматерь словно дает веру и поддерживает в незаслуженных страданиях, как когда-то своего сына.

Одной из самых удачных работ в книге является «Преступление Нарспи». Главная героиня готовит отравленный суп в сенях, на пороге которых появляется Тохтаман, возвращающийся с работы. Подобную трактовку данного сюжета мы встречаем часто, однако наиболее схожий из них – рисунок А. И. Миттова. Лучи света, струящиеся из окон и щелей, присутствуют в обоих вариантах. Падающие под косым углом, они и в той, и в другой работе образуют диагонали, проходящие сквозь всю плоскость листа. Дым из котла извивается в первом случае ядовитыми змеями, во втором – струящимися вверх трепетными линиями. На этом сходство заканчивается. «Преступление Нарспи» Э. М. Юрьева имеет лаконичную композицию, хорошо продуманную автором. В иллюстрации чувствуется влияние конструктивизма, которое выражается в гармонии простых геометрических фигур, прямолинейных косых линий и сложных форм.

Работая над завершающим рисунком, Э. М. Юрьев пошел несколько по иному пути, чем остальные художники. Он изобразил могилу Нарспи за пределами кладбища (так хоронили самоубийц), возле которой собралась небольшая толпа деревенских жителей, пришедших почтить ее память. Еще недавно гулявшие на ее свадьбе, они словно получили суровый урок жизни. Есть в этой толпе и молоденькие подружки, и мужчины, и старики – каждый из них погружен в свои мысли.

Нет Нарспи. Безмолвен, тесен
Темный гроб в сырой земле.
Но ее печальных песен
Не забыли на селе.

Чуть в сторонке показана одинокая фигура матери Сетнера – чувства этого персонажа, несправедливо забытого в суматохе трагических событий, не находили отражения не только в творчестве иллюстраторов, но и у самого автора поэмы. Э. М. Юрьев вспомнил об одинокой старушке, ставшей не только свидетелем, но и участником этой истории. Все горе, которое способно поместиться в сердце женщины, потерявшей когда-то своего мужа, а потом единственного сына, невозможно выразить в этом небольшом рисунке. Однако художник пытается сделать это – ее надломленная фигурка, выделенная темным цветом на переднем плане, вызывает у зрителя сочувствие и сопереживание. Само появление матери Сетнера на похоронах Нарспи свидетельствует о ее любви к избраннице сына. Такое решение данной сцены – результат творческих размышлений графика, его находка.

Подводя итог исследованию работы Э. М. Юрьева, отметим, что его широкий кругозор, мастерское владение не только рисунком, но и другими видами изобразительного искусства (медальерное, шрифты, дизайн) позволили ему создать такое прекрасное произведение. В некоторых иллюстрациях художника чувствуется влияние П. В. Сизова и А. И. Миттова, это свидетельствует о том, что он изучал творчество своих предшественников. Современная трактовка поэмы, данная мастером, раскрывает связь поколений между художниками Нарспианы, в то же время показывает эволюцию в понимании и отображении ее сюжета. Нарспиана развивалась: это становится очевидным при сравнении изданий первой половины XX века с работой Э. М. Юрьева. После него в оформлении поэмы не было значимых достижений в искусстве книги. Однако хочется надеяться, что появятся достойные художники, которые продолжат дело по оформлению бессмертного произведения К. В. Иванова. До тех пор работа Э. М. Юрьева будет оставаться жемчужиной чувашской национальной книжной графики и изобразительным шедевром шедевра литературного.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Викторов, Ю. В.* Элли Юрьев. Художник и время / Ю. В. Викторов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2005. – 255 с. : ил.
2. *Трофимов, А. А.* Нарспиана художниксен пултарулахънче / А. А. Трофимов // Искусство : избранные труды. – Чебоксары : ЧГИГН, 2005. – С. 152–172.
3. *Художники Чувашии* : библиогр. справ. / сост. Н. А. Ургалкина. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1989. – 477 с.